

ΕΚΟΝΟΜΙΚΑ, ΡΟΛΙΤΙΚΑ Α ΛΙΔΕ

УДК 34

Κ ΝΟΒΕΛΛΑΜ ΡΟССΙЙСΚΟΓΟ ΖΑΚΟΝΟΔΑΤΕΛЬСΤВА Ο ЮΡΙΔΙСΗΣΚΙХ ΛΙЦΑХ

Л. М. Алланина

*Κανδιδат юридический науκ, доцент,
Тюменский государственный
нефтегазовый университет,
г. Тюмень, Россия*

THE NOVELS OF THE RUSSIAN LEGISLATION ON LEGAL ENTITIES

L. M. Allanina

*Candidate of Legal Sciences, assistant professor,
Tyumen State Oil and Gas University,
Tyumen, Russia*

Abstract. The article deals with the problems of proper identification and registration of corporate decisions. This is due to the introduction in the Russian civil law of the new rules of management and control in business entities. Since the new system of identification methods has caused a large number of difficulties in implementation, the author analyzes the legal rules dedicated to notarization of decisions of general meeting of general meetings, and especially the judicial practice (interpretation of the relevant rules of the Russian courts of law). The study questions the need for notarization of corporate decisions, which set another, in addition to notarization, way of confirming the decision, as well as issues of proliferation of new rules on general meetings, consisting of one (single) member (shareholder). The authors also address controversial questions about the legal nature of corporate solutions.

Keywords: general meeting; corporation; deal; participants in the company; shareholders; notarization.

В 2015 году введена в действие статья 67.1 Гражданского кодекса Российской Федерации и начала действовать с 01 сентября 2014 года. С момента вступления в силу по настоящее время она вызывает ожесточенные дискуссии среди теоретиков и практиков [1].

Анализ формулировки пункта 3 статьи 67.1 кодекса показывает, что речь идет об удостоверении двух юридических фактов: во-первых, принятия общим собранием участников хозяйственного общества решения и, во-вторых, состава участников хозяйственного общества, присутствовавших при принятии решения. Со вступлением в силу данной правовой нормы любое решение общего собрания участников или акционеров, по общему прави-

лу, должны будут заверяться нотариально, в случае если участниками общества не будет установлен иной способ подтверждения указанных сведений.

Особо значимым представляется анализ правовых норм, посвященных нотариальному удостоверению решений общего собрания участников обществ с ограниченной ответственностью как наиболее востребованной распространенной в России организационно-правовой формы коммерческой корпоративной организации.

Обозначим кратко некоторые из наиболее острых проблем применения российской новеллы.

Первый вопрос: *каким образом проводить общее собрание участников для принятия решения о возможности под-*

тверждения принятия решения общего собрания участников общества и состава участников общего собрания без участия нотариуса? Иными словами, подлежит ли нотариальному удостоверению решение общего собрания участников общества, которым устанавливается иной, помимо нотариального удостоверения, способ подтверждения принятия решения?

Следующий, не менее острый, вопрос: *вправе ли единственный участник (акционер) хозяйственного общества не применять положения пункта 3 статьи 67.1 Гражданского кодекса Российской Федерации к своим решениям?* Федеральный закон не регламентирует процедуру оформления и подтверждения принятия решений по вопросам, относящимся к компетенции общего собрания участников общества, единственным участником общества. Законодательство допускает существование обществ с ограниченной ответственностью с одним участником. Общество может быть учреждено одним лицом, которое становится его единственным участником. В статье 39 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» указано, что в обществе, состоящем из одного участника, решения по вопросам, относящимся к компетенции общего собрания участников общества, принимаются единственным участником общества единолично и оформляются письменно. При этом положения данного Федерального закона о порядке созыва, проведения общих собраний участников общества, утверждения решений, принятых на таких собраниях, не применяются, за исключением положений, касающихся сроков проведения годового общего собрания участников общества.

Третья проблема, пожалуй, самая значимая. *Что именно подлежит удостоверению нотариусом: само корпоративное решение как сделка, включая законность ее принятия, или же юридический факт принятия корпорацией решения?* В чем будет заключаться собственно содержание самого нотариального действия: должен ли нотариус ограничиться подтвер-

ждением факта принятия решения или все же проверить законность процедуры его принятия?

Четвертая проблема связана с *альтернативными способами удостоверения решений собраний. Указанные способы затруднительны в обществах с наличием определенного корпоративного конфликта или напряжения, о чем будет сказано ниже.*

Пятая проблема: *законодатель напрямую не предусмотрел последствия несоблюдения требований о надлежащем удостоверении корпоративных решений. В этой связи, остается открытым вопрос о возможности применения по аналогии норм о ничтожности и оспоримости сделок к таким решениям.*

Шестая проблема: *удостоверять или не удостоверяют нотариусам негативные решения корпораций, а также решения, принятые заочно?*

Помимо необходимости разрешения указанных проблемных вопросов, действующие на момент введения новшества хозяйственные общества столкнулись с множеством иных практических правовых проблем.

К примеру, стоимость услуг нотариуса, которая тарифицируется в зависимости от суммы сделки и характера оказанных услуг правового и технического характера, оказалась дополнительной статьей расходов корпорации.

Кроме того, для проведения общего собрания участники общества должны будут согласовывать дату и время проведения собрания с нотариусом, поскольку очевидно, что для фиксации количества участников, присутствовавших на собрании, нотариусу необходимо будет присутствовать на нем. Это означает затраты на оплату проезда нотариуса к месту проведения общего собрания. В результате, на деле большинство российских корпораций заняты реализацией способов «обхода» данной статьи, а не ее применением. Еще одним стимулом для этого служит фактическая необходимость присутствия на общем собрании участников общества по-

стороннего лица (нотариуса), который оказывается в качестве навязанного законом свидетеля разрешения корпорацией внутрифирменных тайн. Учитывая слабую разработанность российского института тайны совершения нотариальных действий и последствий ее несоблюдения, можно лишь посочувствовать печальному положению действующих российских корпораций.

Это вполне определенные вопросы все более усложняющейся российской практики, решение которых далеко не всегда лежит на поверхности. И «перед лицом этих... вопросов практики позиция теоретиков разнится. Одни выводят из них основание для того, чтобы прославлять вечность традиционных догматических категорий. Другие – чтобы констатировать их закат; иногда в тонах горького сожаления; иногда воспевая... прогресс юридической науки, освобожденной от концептуализма» [14].

Чтобы лучше понять причины практических проблем при удостоверении решений, необходимо понять, какую цель преследовал законодатель, устанавливая обязательное удостоверение принятия решений.

Российская Концепция развития законодательства о юридических лицах не предполагала введения института удостоверения решений собраний, но в ней указывалось, что единственной гарантией достоверности данных, вносимых в Единый государственный реестр юридических лиц, является добросовестность заявителя, что, очевидно, является недостаточным для обеспечения достоверности реестра. Достоверность данных государственных реестров сегодня является весьма актуальной проблемой [12]. Указанное выше правило, содержащееся в пункте 3 статьи 67.1 кодекса, было введено в целях поддержания принципа публичной достоверности записей в Едином государственном реестре юридических лиц, согласно которому лицо, добросовестно полагающееся на данные реестра, вправе исходить из того, что они соответствуют действительным обстоятельствам. Достоверность ре-

шений собраний и соответствующих данных, вносимых в реестр, подтверждалась бы не только заявителем, обычно являющимся руководителем общества, но и третьими лицами, такими как нотариус или регистратор. Представляется вполне очевидным, что такие третьи лица, в особенности, нотариус, способны предупредить многие злоупотребления в корпорациях. Это могло бы исключить такие незаконные действия, как составление поддельных протоколов общего собрания корпорации, в целях захвата и удержания контроля над компанией или рейдерского захвата имущества, либо включение в протокол вопросов, не являвшихся предметом голосования на общем собрании; подделка состава участников; нарушение правил подсчета голосов и тому подобные корпоративные нарушения. Назначение новшества, следовательно, заключается в том, чтобы предупредить совершение указанных незаконных действий, придав стабильности гражданскому обороту. Для сравнения, если обратиться к законодательству Германии, то там нотариальное удостоверение решений собраний применительно к акционерным обществам практикуется с 1884 года. Вполне возможно, что применительно к новым российским правилам также можно утверждать о намерении законодателя усилить доказательственные возможности во внутрикорпоративных отношениях.

При разрешении вопроса о том, подлежит ли нотариальному удостоверению «первоначальное» решение общего собрания участников общества, которым устанавливается иной, помимо нотариального удостоверения, способ подтверждения принятия решения, представляется, необходимо исходить из целей, которые преследовал законодатель, вводя новые правила. По нашему мнению, необходимости в нотариальном удостоверении «первоначального» решения собрания нет, в противном случае это будет противоречить диспозитивному смыслу введенной нормы. Все риски, связанные с отказом от подтверждения посредством нотариально-

го удостоверения, переходят на плечи самих участников хозяйственных обществ. Однако, очевидно, что такое решение должно быть принято всеми участниками единогласно. Вместе с тем, на практике, некоторые налоговые органы, а также большинство кредитных учреждений (банков) требуют от своих корпоративных клиентов нотариально удостоверенной формы «первоначального» решения общего собрания участников общества об избрании иного способа подтверждения принятия решения, основываясь на буквальном толковании положений пункта 3 статьи 67.1 кодекса.

Касательно вопроса о том, вправе ли единственный участник (акционер) хозяйственного общества не применять положения пункта 3 статьи 67.1 Гражданского кодекса Российской Федерации к своим решениям, представляется, что до внесения изменений в специальный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» и в закон «Об акционерных обществах» ответ не может быть очевидным.

В Письме Федеральной нотариальной палаты Российской Федерации от 01.09.2014 года № 2405/03-16-3 «О направлении пособия по удостоверению нотариусом принятия общим собранием участников хозяйственного общества решения и состава участников общества, присутствовавших при его принятии» выражена позиция, согласно которой на общество с ограниченной ответственностью, состоящее из одного участника, положения статьи 67.1 Гражданского кодекса Российской Федерации не распространяются. Такой вывод следует из анализа норм п. 2 статьи 7, статьи 39 Закона «Об обществах с ограниченной ответственностью». Решения по вопросам, относящимся к компетенции общего собрания в таких обществах, принимаются единственным участником и оформляются письменно. При этом положения статей 34–38 и 43 Закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» не применяются.

По мнению Федеральной нотариальной палаты Российской Федерации, изло-

женному в указанном Письме, на акционерное общество, состоящее из одного акционера, положения статьи 67.1 Гражданского кодекса РФ также не распространяются. При этом сведения о том, что общество состоит из одного акционера, должны быть внесены в Единый государственный реестр юридических лиц (пункт 6 статьи 98 Гражданского кодекса РФ). В акционерном обществе, все голосующие акции которого принадлежат одному акционеру, решения по вопросам, относящимся к компетенции общего собрания акционеров, принимаются этим акционером единолично и оформляются письменно. Положения главы VII Закона «Об акционерных обществах», определяющие порядок и сроки подготовки, созыва и проведения общего собрания, не применяются (п. 3 ст. 47 Закона «Об акционерных обществах»).

Аналогичного мнения придерживаются и авторы Письма Банка России от 18 августа 2014 г. № 06-52/6680 «О некоторых вопросах, связанных с применением отдельных положений Федерального закона от 05.05.2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». В указанном Письме Центральный банк Российской Федерации, являющийся регулятором для профессиональных регистраторов, попытался восполнить законодательный пробел по поводу удостоверения решений собраний.

Противоположная позиция изложена в пункте 2 Рекомендаций Научно-консультативного совета Арбитражного суда Западно-Сибирского округа «По вопросам рассмотрения споров, вытекающих из гражданских, налоговых правоотношений, а также при разрешении вопросов, связанных с применением Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации», принятых по итогам заседания, состоявшегося 28 мая 2015 года в городе Тюмени Тюменской области.

По мнению Научно-консультативного совета, поскольку Федеральным законом от 05.05.2014 № 99-ФЗ введена в ГК РФ статья 67.1, в которой предусматривается возможность подтверждать принятие общим собранием участников хозяйственного общества решения и состав участников, присутствовавших при его принятии, различными способами, один из которых – нотариальное удостоверение, и каких-либо исключений по порядку нотариального удостоверения решений хозяйственных обществ, состоящих из единственного участника или акционера, не установлено, следовательно, решения единственного участника или акционера хозяйственного общества подлежат нотариальному удостоверению. Данную точку зрения поддерживает И. В. Бакаева, которая исходит из того, что в обществе, состоящем из одного участника, его единоличное решение, принятое по вопросам, относящимся к компетенции общего собрания, является функциональным аналогом решения общего собрания участников общества. Поэтому принятое по таким вопросам единоличное решение участника требует подтверждения в соответствии с положениями пункта 3 статьи 67.1 ГК РФ. Однако на все иные решения по вопросам, не относящимся к компетенции общего собрания участников общества, данные правила не распространяются [1].

Представляется, точка зрения Федеральной нотариальной палаты и Банка России, является более обоснованной, так как она основана на систематическом толковании действующего законодательства, в отличие от узкого и буквального подхода к толкованию нормы, используемого в Рекомендациях Научно-консультативного совета Арбитражного суда Западно-Сибирского округа. В хозяйственных обществах с одним единственным участником или акционером принятие решения по вопросам, отнесенным к компетенции общего собрания, производится не по процедуре общего собрания, а в форме единоличного решения. Следовательно, в таких компаниях отсутствуют юридически зна-

чимые обстоятельства, требующие подтверждения в порядке пункта 3 статьи 67.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. Следует отметить, что на практике российские компании столкнулись с тем, что нотариусы отказывались удостоверить решения, принятые единственным участником общества, по основаниям, изложенным в Письме Федеральной нотариальной палаты Российской Федерации от 01.09.2014 года № 2405/03-16-3.

Рассмотрим третью проблему: что именно подлежит удостоверению нотариусом: само корпоративное решение как сделка, включая законность ее принятия, или же юридический факт принятия корпорацией решения?

У нотариусов не сложилось однозначного понимания новых правил. На практике подтверждение решений собраний в России происходит либо путем удостоверения подписей присутствовавших на собрании лиц либо путем выдачи отдельного свидетельства о принятом решении. В последнем случае, исходя из положений статьи 67.1 кодекса, нотариусы удостоверяют два факта: принятие решения и состав лиц, присутствовавших при принятии решения. В этой связи нотариус проверяет правомочия лиц, присутствующих на собрании: акционеров, участников и т. д. Он устанавливает, имеется ли кворум для принятия решения и присутствует на собрании, фиксируя результат голосования. На нотариуса не возлагается обязанность ведения протокола и проверки законности принимаемого решения. Однако такое положение вещей не совсем соответствует потребностям гражданского оборота. Если говорить об удостоверении юридического факта в форме принятия решения, а не сделки, недействительность самого решения не будет играть определяющей роли, и даже незаконное, допустим, ничтожное корпоративное решение должно будет удостоверено нотариусом.

По мнению А. Н. Лысенко, нотариус может лишь зафиксировать факт собрания и, вероятно, состав присутствующих лиц, но он не вправе проверять законность

процедуры подготовки и проведения собрания, полномочия представителей, а тем более результаты голосования или принятые решения [6].

Если считать решение общего собрания сделкой, то в соответствии с пунктом 1 статьи 163 Гражданского кодекса Российской Федерации нотариус обязан проверить его законность.

Представляется вполне обоснованным мнение Т.С. Яценко о том, что рассматриваемое нотариальное действие не может быть сведено лишь к подтверждению факта принятия решения общим собранием и состава его участников. Очевидно, что перед нотариусом стоит задача проверить законность принятия соответствующего корпоративного решения. В противном случае норма пункта 3 статьи 67.1 ГК РФ утрачивает свой смысл [12].

Ответ на вопрос зависит от понимания правовой природы решения общего собрания. Данный вопрос в российской правовой науке является дискуссионным [4]. В то же время правовую природу решения собраний любой корпорации невозможно определить, не разобравшись с основанием данной проблемы, уходящей в теорию юридических лиц и учение о людском субстрате юридического лица.

В российской правовой доктрине можно выделить несколько основных подходов к пониманию правовой природы решений собраний:

1) решение собрания представляет собой сделку, соответственно, к нему должны применяться правила о недействительности сделок;

2) решение собрания представляет собой юридический факт особого рода, который порождает определенные правовые последствия;

3) решение собрания – это ненормативный правовой акт;

4) решение собрания – это источник права в форме локального нормативного акта.

Каждая из позиций имеет право на существование, обладая своими достоинствами и недостатками. Хотя природа ре-

шения собрания очень близка к сделкам, тем не менее, очевидно, что решения собраний не могут однозначно быть признаны таковыми. Не все решения принимаются единогласно, в связи с чем не всегда наблюдается единство волеизъявления принимавших на собрании лиц, что характерно для сделок. Кроме того, не все корпоративные решения создают права и обязанности для лиц, принявших решения. В первую очередь, права и обязанности в результате принятия решения создаются для самой корпорации. В этой связи, трудно согласиться и с мнением о том, что решение собрания – это нормативный локальный акт, поскольку для последнего присущи признаки всеобщности и нормативности, которые в данном случае отсутствуют.

Законодатель выделяет решения собраний в особую группу гражданско-правовых актов, закрепляя в статье 181.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, что решение собрания, с которым закон связывает гражданско-правовые последствия, порождает правовые последствия, на которые решение собрания направлено, для всех лиц, имевших право участвовать в данном собрании (участников юридического лица, собственников, кредиторов при банкротстве и других – участников гражданско-правового сообщества), а также для иных лиц, если это установлено законом или вытекает из существа отношений.

Из анализа данной нормы вытекает, что решение собрания не является сделкой, так как такое решение порождает правовые последствия для всех лиц, которые имеют право участвовать в собрании, даже если они голосовали против него или вообще не принимали участия в собрании, что для сделок не характерно. В этой связи, характерной отличительной чертой любого корпоративного решения является принцип принятия большинством и подчинения меньшинства его воле, – так называемый *Mehrheitsprinzip* [15].

Вместе с тем, по мнению А. В. Егорова, решения собрания являются особой разновидностью сделок, поскольку, отве-

чая общим признакам сделок, они отличаются от них тем, что при выработке общей позиции участников собрания решение может быть принято не только при полном совпадении воли (классическая сделка), но и большинством голосов. Этот постулат практически не оспаривается в стране, представители которой выступили родоначальниками теории сделок, – Германии [3]. Волеобразование в решении является довольно типичным для всего корпоративного права, в этой связи представляется довольно интересным рассмотрение решения как вида сделки. В гражданском праве Германии решения собраний рассматриваются как один из видов гражданско-правовой сделки наряду с *Einseitige* (односторонними сделками) и договорами. Иногда их рассматривают в качестве многосторонних сделок, ставя в один ряд с договорами и *Gesamtakte* как общими действиями, но при этом гражданско-правовая природа этого явления как юридической сделки вообще не рассматривается в качестве спорной.

Г. В. Цепов в своем труде «Акционерные общества: теория и практика» при изучении правовой природы решений общего собрания акционеров разделил все указанные решения собраний на две группы: «решения-сделки» и «решения-несделки», в зависимости от того, направлены они на создание, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей или нет. К первой группе относятся решения об увеличении (уменьшении) уставного капитала, дроблении и консолидации акций, избрании членов совета директоров и досрочном прекращении их полномочий, образовании исполнительного органа и т. д. Ко второй группе относятся решения об утверждении годовых отчетов и годовой бухгалтерской отчетности, их автор квалифицирует как поступки – разновидность юридических фактов [11]. Данная позиция послужила основанием для утверждений о том, что если группа лиц большинством голосов достигла какого-то соглашения, и оно имеет юридическое значение, то можно гово-

рить о наличии решения собрания. Если же такого соглашения нет, а принятое решение для права безразлично, то нет и решения собрания. Если принятое решение не является сделкой и безразлично для права, то оно не может обладать и признаком юридической обязательности, следовательно, решение собрания всегда будет являться юридической сделкой [10].

За авторами последней точки зрения о том, что субъектами решения общего собрания акционеров (участников) являются сами акционеры (участники), в том числе и те, которые голосовали против или не участвовали в голосовании, мы неизбежно должны признать приверженцев теории юридического лица, именуемой «теорией коллектива». Суть теории коллектива, автором которой является академик А. В. Венедиктов, состоит в том, что за каждым юридическим лицом стоит людской субстрат, то есть коллектив рабочих и служащих предприятия, учреждения или организации, возглавляемый назначенным государством ответственным руководителем. Ранее, кстати, Б. Виндшейд, считая юридическое лицо фикцией, существующей в человеческом воображении, также указывал на реальное существование в его основе субстрата – совокупности физических лиц, которая является самостоятельным существом, не совпадающим с суммой отдельных лиц [5].

Хотя данная теория встретила множество противников, ее оппоненты, тем не менее, вынуждены были признать, что даже если никто и не стоит за юридическим лицом в качестве действительного носителя его прав и обязанностей, как никто не стоит за гражданином как субъектом прав и обязанностей, тем не менее «установление личного субстрата каждого юридического лица является необходимым условием раскрытия его сущности и учение о людском субстрате является центральной проблемой теории юридического лица» [8].

На наш взгляд, волевому акту органа корпорации – общего собрания предшествуют волевые акты внутреннего харак-

тера, в которых проявляется воля людского субстрата корпорации, и эти внутренние волевые акты представляют единое сложное целое с внешними актами корпорации. Поэтому вряд ли допустимо говорить о том, что решение общего собрания является обычной сделкой в том смысле, который содержит статья 153 Гражданского кодекса Российской Федерации. Для признания за решением собрания свойства сделки необходимо как минимум полностью изменить существующее в Гражданском кодексе Российской Федерации определение сделки, затем внести многочисленные поправки с иные нормативные акты и, по сути, изменится сама общепринятая доктрина о российских сделках. Из самобытного российского феномена она превратится в немецко-австрийский аналог.

Представляется правильным подход к рассмотрению решений общего собрания акционеров (участников) в качестве особой разновидности гражданско-правовых актов. Такие гражданско-правовые акты являются волеобразующими актами органа управления юридического лица. В российской судебной практике при разрешении конкретных дел суды нередко занимают схожую позицию, указывая, что решение собрания не является сделкой, выступает в качестве акта органа управления юридического лица и принимается обществом в процессе организации внутренней деятельности [см. напрм. 7].

В заключение отметим, что практическая реализации законодательных нововведений по удостоверению факта принятия общим собранием участников хозяйственных обществ решения и состава присутствовавших при его принятии участников (акционеров) общества требует принятия поправок в действующие законы: Гражданский кодекс Российской Федерации, Основы законодательства о нотариате и др.

Библиографический список

1. Бакаева И. В. Нотариальная практика: удостоверение решения общего собрания участников

общества с ограниченной ответственностью // Нотариус. – 2015. – № 3. – С. 3–7.

2. Егоров А. В. Нотариальное удостоверение решений собраний. Как работать по новым правилам // Арбитражная практика. – 2014. – № 10. – С. 78–87.
3. Егоров А. В. Закон и практика: от борьбы к единству // ЭЖ-Юрист. – 2004. – № 3. – С. 5–7.
4. Ганижев А. Я. Правовая природа и виды решения общего собрания хозяйственного общества // Журнал российского права. – 2012. – № 8. – С. 112–120.
5. Герваген Л. Л. Развитие учения о юридическом лице. – СПб., 1888. – С. 45–47.
6. Лысенко А. Н. Нотариальное удостоверение корпоративных решений // Проблемы регистрации прав, фиксации и удостоверения юридических фактов гражданского права : сборник статей / А. Д. Батуева, Ю. В. Виниченко, С. А. Громов и др.; отв. ред. М. А. Рожкова. – М. : Статут, 2013. – С. 157–165.
7. Постановление ФАС Московского округа от 6 марта 2002 г. N КГ-А40/1075-02
8. Рахмилович В. А. О так называемом субстрате юридического лица // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ. Выпуск 29. – М., 1984. – С. 108–109.
9. Терентьева Н. С. К вопросу о правовой природе решения общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью в свете реформирования гражданского законодательства // Юрист. – 2013. № 9. – С. 26–29.
10. Труханов К. И. Решения собраний - новая категория в Гражданском кодексе РФ // Закон. – 2013. – № 10. – С. 17–22.
11. Цепов Г. В. Акционерные общества: теория и практика : учебное пособие. – М., 2007. – С. 145.
12. Яценко Т. С. Значение нотариального удостоверения корпоративных решений в системе гражданско-правовых мер охраны публичных интересов // Нотариус. – 2014. – № 7. – С. 27–30.
13. Яценко Т. С. Проблема обеспечения достоверности сведений в Едином государственном реестре юридических лиц // Юрист. – 2014. – № 13. – С. 13–16.
14. Gentili A. Nullita annullabilita inefficacia (nella prospettiva del diritto europeo) // I contratti. – 2003. – № 2. – P. 200.
15. Thomas C. Zerres. Recht: Ein Lehrbuch in das Zivil- und Zivilprozessrecht, 5. u. erw. Aufl., 2005. – S. 55.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bakaeva I. V. Notarialnaya praktika: udostoverenie re-sheniya obshego sobraniya uchastnikov obschestva s ogranichennoy otvetstvennostyu // Notarius. – 2015. – № 3. – S. 3–7.

2. Egorov A. V. Notarialnoe udostoverenie resheniy so-braniy. Kak rabotat po novym pravilam // Arbitrazhnaya praktika. – 2014. – № 10. – S. 78–87.
3. Egorov A. V. Zakon i praktika: ot borbyi k edinstvu // EZh-Yurist. – 2004. – № 3. – S. 5–7.
4. Ganizhev A. Ya. Pravovaya priroda i vidyi resheniya obshchego sobraniya hozyaystvennogo obshchestva // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2012. – № 8. – S. 112–120.
5. Gervagen L. L. Razvitie ucheniya o yuridicheskom litse. –SPb., 1888. –S. 45–47.
6. Lyisenko A. N. Notarialnoe udostoverenie korporativnykh resheniy // Problemy registratsii prav, fiksatsii i udostovereniya yuridicheskikh faktov grazhdanskogo prava : sbornik statey / A. D. Batueva, Yu. V. Vinichenko, S. A. Gromov i dr.; otv. red. M. A. Rozhkova. – M. : Statut, 2013. – S. 157–165.
7. Постановление ФАС Московского округа от 6 марта 2002 г. N КГ-А40/1075-02
8. Rahmilovich V. A. O tak nazyivaemom substrate yuridiche-skogo litsa // Problemy sovershenstvovaniya sovetskogo zakonoda-telstva. Trudy VNIISZ. Vyipusk 29. – M., 1984. – S. 108–109.
9. Terenteva N. S. K voprosu o pravovoy prirode resheniya obshchego sobraniya uchastnikov obshchestva s ogranichennoy otvetstvennostyu v svete reformirovaniya grazhdanskogo zakonodatelstva // Yurist. – 2013. – № 9. – S. 26–29.
10. Truhanov K. I. Resheniya sobraniy - novaya kategoriya v Grazhdanskom kodekse RF // Zakon. – 2013. – № 10. – S. 17–22.
11. Tsepov G. V. Aktsionernye obshchestva: teoriya i praktika : uchebnoe posobie. – M., 2007. – S. 145.
12. Yatsenko T. S. Znachenie notarialnogo udostovereniya korporativnykh resheniy v sisteme grazhdansko-pravovykh mer ohra-nyi publichnykh interesov // Notarius. – 2014. – № 7. – S. 27–30.
13. Yatsenko T. S. Problema obespecheniya dostovernosti sve-deniy v Edinom gosudarstvennom reestre yuridicheskikh lits // Yurist. – 2014. – № 13. – S. 13–16.
14. Gentili A. Nullita annullabilita inefficacia (nella prospettiva del diritto europeo) // I contratti. – 2003. – № 2. – P. 200.
15. Thomas C. Zerres. Recht: Ein Lehrbuch in das Zivil – und Zi-vilprozessrecht, 5, . u. erw. Aufl., 2005. – S. 55.

© Алланина Л. М., 2016